

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОЧТА

Г. М. КОЗИНЦЕВ—Л. Е. ПИНСКИЙ: ПЕРЕПИСКА О «КОРОЛЕ ЛИРЕ»

Значительная часть переписки моего отца с Леонидом Ефимовичем Пинским уже опубликована мною в виде приложения к самиздатскому трактату Пинского, который был автором подарен Козинцеву¹. В этой публикации, однако, отсутствуют письма отца за почти четыре года—с июля 1968 г. по апрель 1972 г.—от начала работы над фильмом «Король Лир» до завершения книги «Пространство трагедии», выросшей на основе данной работы. Пинский в это время трудился над книгой «Шекспир. Основные начала драматургии».

По какой-то причине ранние письма Козинцева не были переданы вдовой Пинского Е.М.Лысенко моей маме, В.Г.Козинцевой, издававшей переписку отца. Первое из переданных писем датировано 1 июня 1972 г. Это позволило предположить, что предшествующие письма были изъяты при обыске в квартире Пинского в мае того же года. Но когда трактат вместе с перепиской был уже сдан в печать, внучка Пинского, Л.Д.Мазур-Пинская, обнаружила в семейном архиве пачку из 19 ранних писем Козинцева, считавшихся утраченными (я признателен ей за предоставление сканов). Причина их особой судьбы неизвестна. Здесь они публикуются впервые, вместе с ответами Пинского, а более позднюю переписку можно найти в упомянутой публикации. Именно ранний период общения позволяет понять, сколь различны были их подходы к шекспировской трагедии, тогда как на «посттрагической» стадии позиции сближаются.

Главным пунктом разногласий Козинцева с Пинским в ранний период было соотношение исторического и внеисторического (общечеловеческого) в трагедии. Пинский в свое время получил упрек от Бахтина за «слишком историческое обоснование трагического начала у Шекспира», что заставило его исключить из рукописи книги несколько глав². А теперь он сам адресуется тот же упрек моему отцу, причем средоточием спора оказывается мотив власти, центральный для Козинцева, но «частный», «мелкий», «узкий», «триюистичный», «академичный» и «назидательный» для Пинского.

Как же могло случиться, что тема власти оказалась неинтересной для диссидента, чье противостояние режиму становилось все более вызывающим? Причина в том, что историческая трактовка была основой основ марксистского литературоведения (которому Пинский в полной мере отдал дань в прошлые годы), а обличение

тирании, обращенное в прошлое, было обречено на то, чтобы быть всего лишь кукишем в кармане, несмотря на все аллюзии к настоящему. Такая форма протеста уже не устраивала Пинского—теперь его мишенью стал именно историзм, альтернативу которому он видит в идее извечной человеческой природы, в том, что человек с его эсхатологической тревогой—несовершенное создание Бога, жертва «насмешки неба над землей». Ключи к «Королю Лиру» он теперь ищет у Беккета, Ионеско, Бердяева.

Отцу такой подход был чужд, он видит в нем проявление моды, «новых клише», а его фраза о том, что «внедрение Питера Брука в массы идет со страшной силой»—отчасти и камешек в огород Пинского. Слово же «назидательность» не было для отца, в отличие от Пинского, ругательным. Перегибая палку, он даже использовал по отношению к шекспировской трагедии полюбившееся ему с революционной поры слово «агитка». В свою очередь, Пинский, которому фильм «Король Лир» не понравился, утверждает, что его собственная установка на театральность, условность и экспрессивность пьесы ближе к козинцевской позиции эпохи ФЭКСа, чем к поздним его взглядам.

Другое слово, особенно дорогое отцу с юности—«копеечная» (так Маяковский назвал революцию). Это объясняет, почему Козинцев испытывал неприязнь к героизации «Лира», и почему Пинский считал его трактовку приземленной, годящейся лишь для драмы, но не для трагедии. В запальчивости он бросает Козинцеву неожиданный упрек—будто тот, подобно всем русским людям (!), питает органическое недоверие к героическому, к Личности с большой буквы³.

Несмотря на всю глубину разногласий, относились они друг к другу нежно и думали об одном и том же, причем споры их касались в основном трагического начала. А потом для обоих наступает новый этап. После выхода шекспировской книги в конце 1971 г. Пинский берется за общие проблемы комического⁴. Козинцев же, сдав в издательство рукопись «Пространства трагедии», обращается—возможно, не без влияния друга—к шекспировским комедиям. В замыслах его последних, нереализованных фильмов акцент перенесен с «исторического человека» на «внеисторического» (у Пинского, как уже было сказано, этот перелом произошел раньше).

Между последними замыслами Козинцева и всеми его предыдущими работами вместе взятыми, от фэксовских фильмов до «Короля Лира», пролегал рубез. Все осуществленные его постановки историчны и политичны насковзь—«Лир» ничуть не в меньшей степени, чем «Новый Вавилон» или «Максим». Зато в самых поздних, неосуществленных планах, особенно в замыслах шекспировских комедий и «Бури», ясно проявляется совсем ему не свойственный прежде эскапизм, тот же, какой мы находим, например, в «Докторе Живаго»⁵. Думаю, что немалую роль тут сыграло общение с Пинским.

На этом этапе их позиции сблизились, относиться друг к другу они стали с особенной нежностью, а интенсивность переписки резко возросла. Девизом позднего периода для обоих стали слова Пинского: «Хватит трагедий!». В разъяснение этих слов он пишет Козинцеву: «Наша жизнь (вообще—XX век), наш “сон пустой”, не годится на “насмешку неба над землей”⁶ (the gods... kill us for their sport—Глостера)⁷, а только на “насмешку земли над небом”⁸, на трансцендентальную комедию»⁹. Этот, финальный, этап их общения отражен в уже опубликованных письмах¹⁰.

Александр Козинцев

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

3 VII 68 г.

Дорогой Леонид Ефимович!

С нетерпением жду Вашей книги¹¹. Когда появится возможность ее прочесть? У меня множество самых различных мыслей, и очень хотелось бы с Вами поговорить. Я уже начал подготовку к постановке; видимо, съемки начнутся в декабре, а пока думаю и думаю над этой сложнейшей трагедией. Даже по сравнению с «Гамлетом» все в ней настолько глубоко, что даже страшно думать, как перевоплотить это умозрительное в искусство, по самой своей природе реалистичное, требующее совершенной натуральности внешнего—иначе ощущение снятого спектакля, «неправды».

Не откажите в любезности написать про Ваши планы. Будете ли Вы в Москве или куда-нибудь уедете?

Мне очень хотелось привлечь Вас к нашей работе, но, к сожалению, сценарий писался как раз в те сроки, когда Вы были заняты сдачей рукописи. Может быть, мы могли бы найти какую-нибудь форму Ваше[го] участия в подготовительный период?

Сердечный привет и самые добрые пожелания,
Г.Козинцев

* * *

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

17.VII.68

Москва

Дорогой Григорий Михайлович

Благодарю Вас за письмо (оно только на днях дошло до меня, так как мы с женой проводим лето за городом) и за добрую память о нашей встрече. Что касается выхода моего Шекспира, то—прошу прощения за вульгарную латынь—*omnis informatio desinformatio est*: вопреки сообщению Гослита в проспекте выпуска книг на 1968 г., где указана и моя книга, она еще не закончена и будет сдана только в октябре—ноябре—правда, в большем объеме (листа 32—33). Заканчиваю сейчас основной анализ «Кориолана», наиболее «актуальной», на мой взгляд, трагедии Шекспира в наше время (личность и масса, герой и функционер). Это существенное дополнение к «Королю Лиру»—в плане «социальной» трагедии—и отнюдь не «аристократическая» пьеса; вернее, аристократизма здесь не больше, чем демократизма в «Лире»; и то, и другое два аспекта («аристокр[атиче]ский и демокр[атиче]ский» личности, трагедия личности как «лица целого»). После «Кориолана» и «Тимона» («тенденц[иозного]» схематического «ключа» ко всему Шекспиру-трагику) я перейду к «Трагическому началу» (в расширенной форме то, что вошло в мо[й] «Реализм Возрождения») и к заключительной главе «Жизнь—Театр», синтезу всей книги.

Раньше ноября не закончу. Но раз Вы, как сказано в письме, «с нетерпением» ждете выхода моего Вильяма, я сегодня Вам высылаю посвящен-

ную «Лиру» часть (около 7 листов). Это не все о «британской трагедии», кое-что—образ шута в связи с «народным фоном» и некот[орые] общие вопросы—вошло в другие главы, но здесь основное. С литерат[урной] стороны это, конечно, не окончательная редакция и я прошу снисхождения. А главное—жду Ваших замечаний о моем «Лире», несколько по-новому прочитанном—и чем откровеннее, резче (Es kann ein Feind, es soll ein Freund nicht schonen¹²), тем желательнее. Если что из моих «идей» подойдет Вам и фильму, смело берите как «свое добро», по мольеровскому принципу. Концепция Вашего «Ли́ра», насколько я могу судить по нашему разговору, так интересна (я сегодня рассказал об этом моей жене), оригинальна, *органична*, что любое «заимствование» будет органически ассимилировано, как всегда бывает в таких случаях. Я всегда считал, что сфера идей—res publica, единственная республика разума. Кроме того, о нашем «Лире» столько написано, что никто, кроме глупцов, не может претендовать на иную оригинальность, кроме оригинальности целого, концепции. Вот когда прав Паскаль как нигде больше —«Не говорите, что я не сказал ничего нового, ново расположенье материала»¹³. (Это сказал архиоригинальный автор «Мыслей», который, à propos, так и не дошел до «расположенья материала».)

Очень буду рад, если ответите несколькими словами на это письмо. Экземпляр разбора «Ли́ра» можете задержать до середины сентября—раньше он мне не понадобится. Еще раз: жду замечаний от наиболее близкого королю Ли́ру в эти годы лица из его величества свиты.

Будьте здоровы! Моя жена Вам тоже кланяется.

Ваш Л.Пинский

Что касается сопричастия к фильму, предоставляю Вам, Григорий Михайлович, выбрать возможную форму, если в этом будет надобность. Во всяком случае, я мог бы приехать в Ленинград не раньше конца ноября, после того как развяжусь с нашим общим знакомцем (самым незнакомым, таинственным, загадочным и т.д.).

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

23 VII 68 г.

Дорогой Леонид Ефимович!

Спасибо большое за милое письмо и любезную присылку рукописи. Все, что Вы пишете, мне неизменно интересно, и я с глубочайшим вниманием буду читать эту главу. И, разумеется, если хоть что-то придет в голову—обязательно напишу Вам все соображения. Я последние месяцы столько читаю английского, что с радостью перейду на Ваш труд.

Мой «Лир» движется с нечеловеческим трудом: все то, что надумано—плохо это или хорошо—крайне трудно воплотить в артистах. Да и вообще эта трагедия—во всех отношениях—куда сложнее «Гамлета». Как жаль, что Вы будете так заняты до ноября, а я в это время, видимо, не смогу вырваться в Москву: кинематографическая подготовка к съемкам—отвратительное и громоздкое дело.

Моя книга вышла в США, и теперь в Англии¹⁴. Очень занятая и довольно обширная пресса. Много пишут и о главе, посвященной «Лиру».

Еще раз, сердечная признательность за внимание и самые добрые пожелания.

Г.Козинцев

Не могу не добавить к Вашему рассказу о сроках выхода книги и мой опыт: я уже давно сдал издательству книгу о кино¹⁵. И вот уже год слышу одну и ту же изящную фразу: что делать—художник подводит с оформлением...

Я отвечаю: Черт с ним, оформлением. И получаю ответ: Художник опять подвел... и т.д.

Форма отказа, на мой взгляд, не лишена деликатности.

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

4.8.68 г.

Дорогой Леонид Ефимович,

С огромным интересом прочитал Вашу главу. Это отличная работа, с удивительной силой философского построения, гармоничности всей архитектуры концепции. Полная свобода в материале, легкость отступлений, убедительность интонации, позволяющей то уходить от магистральной линии темы, то опять к ней возвращаться, через все новые и новые обобщения.

Есть в ходе Вашей мысли что-то, заставляющее вспомнить о построениях Гегеля¹⁶.

Мне трудно написать Вам что-нибудь более толковое. Дело в том, что я не верю в «правильные» или «ошибочные» толкования Шекспира (если, разумеется, речь идет о подлинном знании и глубине труда): то, что я прочитал—не только о Шекспире, но и о Вас. И для меня как раз в этом—основная прелесть работы. Я слежу за ходом *Вашей* мысли: она всегда для меня увлекательна и помогает мне *по-своему* думать: разве не в этом главная ценность?..

«Лир» меня вовсе замучил. Сложность моего положения в том, что, думая так же, как и Вы, о героическом человеке, я—на экране—не могу допустить ничего сколько-нибудь *внешне* связанного с поэтикой героического. Столько пришлось хлебнуть горя от этой поэтики (естественно, совершенно иного качества), что нужно еще много времени, пока появится возможность к этому вернуться (пусть и [к] подлинной природе героического). Следовательно, ничего «титанического», «величественного» и даже «возвышенного» (с виду) я допускать не хочу.

Не в меньшей степени я и против быта, превращения Шекспира в Вальтер Скотта и т.п. Необходимо сохранить размах шекспировского исследования действительности и истории, но найти способ жизненной неопровержимости того, что будет происходить на экране.

Хвастаться мне пока еще нечем. Множество мыслей, ходов, но все, увы, в замысле. А Пикассо отлично сказал: в искусстве намерения не имеют значения¹⁷.

Я позволил бы себе в конце высказать Вам только одно замечание. Не слишком ли Вы решительно оспариваете мотив власти? Перед войной мне казалось, что в трагедии этот мотив особенно важен. Со всем пылом первой попытки я пробовал воевать с сентиментальными и романтическими представлениями, жестко показывая Лиру в начале¹⁸. Наделал множество глупостей. Теперь мне многое видится по-иному, но мотив этот не ушел.

Еще раз, допуская совершенную закономерность Вашего построения, хочу только обратить Ваше внимание на то, что без темы «власти» монологи безумного Лиры о самых разных функциях короля—становятся отвлеченными, что у Шекспира редко бывает без связи с частным.

И еще, совершенная мелочь: в английском тексте:

Kent: No, sir; but you have that in your countenance which I would fain call master.

Lear: What's that?

Kent: Authority (I, IV)¹⁹

Еще раз сердечная признательность за прекрасное сочинение, и самые добрые пожелания,

Г.Козинцев

* * *

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

22.VIII.1968

Дорогой Григорий Михайлович!

Благодарю Вас за ответ и за теплые слова о моем старике²⁰. Чем бы я ни занимался, всегда думаю о нем, и мой «Кориолан», который заканчиваю, будет только одной из (более важных) схий к «юстиниановым пандектам»²¹ трагического Шекспира в моей книге. И мне бы так хотелось, чтобы книга, когда выйдет, толкнула кого-то на то, чтобы снять заклятье, тяготеющее в веках над «Кориоланом» (м[ожет] б[ыть], одной из самых сценичных—и в высоком смысле—вещей Ш[експира]), особенно в России и трижды в советском театре. Кстати, мне передавали, что в списках глав-реперткома (где, как известно, указаны бывают только дозволенные, либо рекомендуемые, а не запрещенные пьесы), по крайней мере в свое время так было, перечислены *все* пьесы ш[експи]ровского канона, кроме «Кориолана» (впрочем, две постановки в нац[иональных] театрах—одну из них я видел летом—уже осуществлены).

Вот тема для Вас—и только для Вас—Григ[орий] Мих[айлович]: больше никому! Молю Вас, подумайте! После окончания работы над «Лиром», разумеется.

Замечание Ваше о теме власти я еще продумаю. Что до Authority Кента²², очень существенной реплики, то она полностью вошла в мою интерпретацию «патриарх[ального] слуги» Кента (я привел ее в анализе Кента на стр. 90) и образе самого Лиры (в связи с «Король—и до конца ногтей»)²³—но только в принципиальном смысле «особых прав личности». Но я не согласен с узкой концепцией «королевского» на советской сцене (даже в решении Михоэлса): «от короля до человека». Это слишком «нази-

дательно», в XX веке трюистично, узко—вообще, академично. В лучшем случае—это существенная частность. Ведь Лир это весь наш (человеческий) мир, как в «Кориолане» Рим.

Теперь об одной большой просьбе к Вам, Григорий Михайлович. Податель сего послания режиссер Дмитрий (Дима) Мазур²⁴—близкий друг нашей семьи, способный молодой человек и большой Ваш почитатель. Он сейчас в смысле практических дел—на распутье (если будет у Вас время, он расскажет об этом сам). Может быть, в чем-то ему можно помочь? Для него величайшим счастьем, как он говорит, мечтой, было бы хоть некоторое время работать под Вашим наблюдением—в кино, театре, на курсах режиссеров, в музык[альном] оформлении и т.д. Сам он разумно полагает, что его *Lehrjahre*²⁵ еще не кончились.

Благодарю Вас заранее и прошу меня извинить!

Еще раз сердечная признательность за письмо.

Л.Пинский

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

29 VIII 68 г.

Дорогой Леонид Ефимович,

Спешу отослать Вам рукопись, которую Вы так любезно мне прислали. Еще раз сердечная признательность за удивительно глубокое исследование,

Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

2 IX 68 г.

Дорогой Леонид Ефимович!

Спасибо за очень интересное письмо. Я обязательно постараюсь хоть чем-нибудь быть полезным молодому режиссеру, о котором Вы пишете. Жаль, что Ваша рекомендация не была мне известна в прошлом году: тогда я еще руководил мастерской на «Ленфильме», где собралась славная компания молодых кинематографистов; тогда я даже был в какой-то мере «заведующим». Теперь все сложнее: моя группа уже трудится, а всяческие пополнения кадров идут в инстанциях, к которым у меня отношения не имею. Во всяком случае, я буду думать о том, что же стоит хотя бы посоветовать.

Видели ли Вы «Кориолана» в брехтовском варианте²⁶? Там много хорошего, хотя мои знакомые англичане ругались.

Что касается мотива «власти» в «Лире», то я его понимаю не только буквально, а хотя бы в смене состояний. К примеру говоря (Вы к месту вспоминаете рассказ Михоэlsa о том, как «старика не уважили») ²⁷, возможность открытия бесплaцкартного вагона для человека, уверенного в праве занимать «салон» и т.п. Что же до «назидательности», то, увы, весь «Лир» назидателен, да еще как! Пожалуй, я не совсем с Вами согласен и с тем, что

это в наш век «трюизм». Это, разумеется, печально, но как «штампам» уйти из искусства, когда они вовсе не собираются уходить из жизни? Я был бы счастлив найти в трагедии лишь великое и отвлеченное, но что делать с окошком в моей комнате? Шекспир ведь писал, и Вы это, конечно, отлично понимаете, не для того, чтобы им загоразивали дневной свет.

Очень хотелось бы с Вами поговорить.

Кстати о «трюизмах» и академизме. Меня как-то пригласили заниматься с молодыми режиссерами в Стокгольме. После лекции очень славный молодой человек поднялся и сказал: «Сэр, Вы упомянули о Пикассо—но это классицизм XIX века; что же касается Ингмара Бергмана, то, пожалуй, он представитель еще более древнего периода».

Студенты оказались очень славными, с некоторыми из них я и до сих пор переписываюсь. Это я к тому, что «клише» в шекспировских постановках теперь стало не то, что мы считаем рутиной, а аналогии с Беккетом, Эдгар-«хиппи» и т.п.²⁸ Внедрение Питера Брука (очень мною любимого)²⁹ в массы идет со страшной силой.

Я, к сожалению, отослал Вам рукопись, так как Вы писали, что она понадобится Вам в сентябре; мне опять хочется ее прочесть с тем вниманием, которого работа заслуживает; мыслей о Ваших мыслях—много. Естественно, ни в какой мере не умаляющих значения Вашей концепции.

Сердечно желаю полного успеха в Вашем прекрасном труде: уверен, что книга будет поворотом всего нашего шекспироведения.

С глубоким уважением и симпатией,
Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

18 сент. 68 г.

Дорогой Леонид Ефимович!

Посылаю Вам английские рецензии на «Лира». Этот режиссер сменил Питера Холла на посту руководителя Кор[олевского] Шекспировского Театра³⁰.

А мой любимый Питер Брук ставит в Нью Йорке «Бюрю» с англичанами, французами и японцем из театра Но³¹. Спектакль идет в бывшем депо локомотивов. По слухам—все отлично.

Рецензии мне в ближайшее время не нужны. Когда они Вам уже не смогут пригодиться,—не откажите в любезности отослать их мне.

Странная история, хотя я был у Вас только один раз, и то недолго,—очень по Вас скучаю и хотел бы встретиться. Видимо, это какие-то загадочные притяжения мыслей и чувств к «Лиру». Слава Богу, что не к «Ивану Грозному»—в последнем случае—добром не кончалось.

Сердечный привет и самые добрые пожелания,
Г.Козинцев

* * *

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

Москва
7.X.1968

Дорогой Григорий Михайлович!

Спасибо за материалы о «Лире»! Только мельком глянул в них, т[а]к к [а]к, зная свой нрав, боюсь, что «Лир» меня опять унесет за собой, а я сейчас с головой ушел в (неожиданно выросшую) главу о «трагед[ийных] героинях»—«ведьма» Клеопатра (последняя!) меня совсем замучила, в ней вся соль. Поэтому я, если можно, еще задержу материал на некот[орое] время (в конце месяца я перепечатаваю «Лира», слегка переделанного).

Роясь в старых своих бумагах, я нашел «сказ», о кот[ором] совсем забыл. Я его написал, когда работал над своим Рабле и—впервые в жизни—прибегал к стимулятору «первитин» (теперь бы мне его,—но выпуск его, говорят, прекратился). У меня смешался в голове «пантагрюэльский» тон с первитином—и я заставил Рабле прославлять первитин. Описания воздействия, как и вся факт[ическая] сторона сказа—точн[ые].

Мне захотелось Вас немного развлечь и, подправив немного, перепечатал на машинке и переплел. Напишите, как понравилось (начало, кажется, искусственное—а дальше?).

Как идет фильм? Кто исполняет Лира? И других? Жена моя Вам шлет лучшие пожелания.

Ваш Л.Пинский

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

31 окт. 68 г.

Дорогой Леонид Ефимович!

Пишу Вам перед отъездом в аэропорт: улетаю на месяц зализывать раны, нанесенные мне при самонадеянной попытке укротить «Лира». Орешек оказался на редкость твердым. Главная сложность в том, что упражнения над сочинениями Софронова начисто вытравили у наших артистов возможность играть что-то хоть капельку осмысленное. Софронова я, откровенно говоря, называю для сгущения красок, и более, казалось бы, приличные драматурги тоже сделали немало для того, чтобы воцарилась «трогательная», «человечная», «гуманистическая» и т.п. интонация, так же подходящая для этой роли, как балалайка для исполнения Баха³².

Но—если это не еще одна иллюзия—перед отъездом что-то возникло на горизонте. Боюсь даже написать Вам, чтобы не слазить.

«Сказ»³³ мне очень понравился. Пантагрюэлевская тональность настолько отлично выдержана, что поначалу я даже не понял, что же это за сочинение. Напрасно Вас тревожит начало: мне в нем по душе «конфликт» интонации и словаря. Читал с огромным удовольствием. Спасибо большое за такой прекрасный подарок.

Письмо Димы я, к сожалению, получил уже поздно: та возможность, что появилась на киностудии, уже утрачена³⁴. А может быть, и к лучшему. Уж

очень у нас много чисто административной работы. Молодого художника, привыкшего считать, что театр, кино и пр[очие] изящные искусства состоят из разных художественных замыслов и идей, может труд на киностудии—травмировать. Я о нем, откровенно говоря, невысокого мнения. Все придумывается за столом: дальше—преодоление сопротивления, буквально всего и всех. Так и трудимся.

Весь ноябрь я буду в Кисловодске (Кисловодск, санаторий «Красные камни»), в декабре, надеюсь, уже и с Лиром, начнутся репетиции.

Сердечный привет и еще раз признательность,
Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

25 XII 68

Дорогой Леонид Ефимович!
Хочу пожелать Вам и всем Вашим близким
самого доброго 1969 года!

И особенно душевного спокойствия, которое так необходимо для заканчивания Вашей прекрасной работы.

«Лир», кажется, близится к началу. Я пускаюсь в плавание с эстонским артистом. Прелесть его в том, что он начисто лишен пошлости; в нем самом есть что-то странное, горестное. Лицо склада «старых камней Европы». Горе же в том, что он [не] говорит по-русски. Придется идти на каторжный труд озвучания³⁵.

Чем все это окончится—не знаю.

Я принадлежу к типу режиссеров-мазохистов и не вылезаю во время работы из припадков отчаяния.

Питер Брук прислал мне свою новую книгу «Пустое пространство». Это мой любимый режиссер, и книга тоже по душе. Из развлечений там есть такие: «Охлопков ставил “Гамлета” два года, а халтурная английская труппа так играет с трех недель». «Спектакли-возобновления Станиславского и Вахтангова, которые я (Брук) видел—представляют от силы некоторый чисто антикварный интерес». Глава называется «Мертвый театр»³⁶.

Вначале я написал Диме по делу, а потом захотелось написать и Вам.

Сердечный привет,

Г. К.

Я, кажется, пишу не по Вашему адресу?

* * *

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

9 июня 1969

Москва

Дорогой Григорий Михайлович!

Перед отъездом из Москвы (через два часа мы с женой уезжаем на все лето на дачу в Лесном городке по Киевской ж/д) я хочу поблагодарить Вас

за номер «Иск[усства] кино» с Вашей статьей³⁷. Читая статью, я как бы слушал Вас, слышал рассказ о двух фильмах, «Гамлет» и «Дон Кихот», особенно мне дорогих. Хоть это и наивно, но меня всегда удивляет, что при крайнем упадке «соборности» (как сказал бы Вяч. Иванов)³⁸ эстетического чувства в наше время—у нас и на Западе,—люди со столь различным восприятием искусства (во всяком случае со столь различным *способом выражения* своего чувства), как Вы и я, еще способны понимать друг друга, даже «открывать» друг другу что-то в том же произведении искусства. Это доказывает, что кантовская антиномия объективности (универсальности) и непосредственности (иррациональности) эстет[ического] суждения—остается в силе, т.е. что—несмотря на все—еще возможен язык и диалог для эстетического впечатления. Читая обычные книги или слушая всякие выступления, «дискуссии» об искусстве, теряешь веру в эстетич[ескую] «комюнаторность»³⁹ (эмигрантски русское словечко).

Что касается моего Шекспира, то за последние 1 1/2 года (после окончания анализа «Лира») я хоть и продвинулся вперед, но до конца почти так же далеко, так как Гослит, по моей просьбе, мне добавил в объеме (теперь уже—до 40 п[ечатных] л[истов]). Я все еще не закончил «Кориолана», а значит и первый подотдел трагедий, хотя *вокруг* «Кориолана» почти все обработано. Ни одна трагедия Шекспира меня так не волновала, трижды я принимался за нее, через некоторое время откладывал (в «антрактах» написал «Лира», целую главу о героинях, главу о трагедийном социальном «фоне») и только на этот раз, после четырех месяцев терзаний, думаю закончить недели через две этот—затянувшийся на два года!—анализ одной пьесы! Мне кажется, что вся наша—в 1960х гг.—жизнь могла бы войти в комментарий к «Кориолану»—иллюстративным примечанием к сцене кульминации хотя бы (я имею в виду в особенности события последних лет в истории нашей «общественности»)⁴⁰. Возбуждение, когда пишешь, хорошо, если оно, как и все хорошее, *в меру*—приходилось откладывать работу, несколько остыть на другом, более академичном. Когда с «Кориоланом», наконец, развяжусь, то, может быть, его вышлю Вам, а также главу о героинях, чтобы несколько отвлечь и развлечь Вас.

Как подвигается ваш «Лир»? Довольны ли Вы им? Когда можно будет с ним познакомиться хотя бы не в окончательном виде? Я бы специально выехал в Ленинград для этого на несколько дней (в августе или сентябре). Очень интересным мне кажется Ваш замысел, насколько я представляю его по нашей краткой встрече. В нем звучало то, что, на мой взгляд, составляет «пафос» фильма, что всего ближе нашему сознанию в конце второго тысячелетия нашей эры—эсхатологическая тревога (любимая тема Бердяева).

Мои родные, в т.ч. Дима, шлют Вам сердечный привет и наилучшие пожелания.

Будьте здоровы и помните: когда имеешь дело с «Лиром», поражение стоит любой нашей победы. А кроме того, я верю в Ваш успех!

Л.Пинский

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

4.X.1969

Москва

Дорогой Григорий Михайлович!

Очень хочу Вас видеть, показать Вам кое-что из моего Шекспира, посоветоваться, узнать о состоянии Вашего «Лира» (в Москве мои друзья ждут его с нетерпением), но никак не удастся хотя бы на неделю освободиться. Я дал твердое обещание Гослиту представить рукопись в декабре, чтобы книгу ввести в выпускной план 1971 года. В довольно незаконченном виде («вчерне») мне это, кажется, удастся, хотя уже сейчас можно сказать, что глава о «Кориолане» (пять п[ечатных] л[истов]), которая мне всего дороже в книге (трижды за нее принимался и бросал), вряд ли «пройдет»—по известным причинам,—а без нее книга лишена «современного звучания»⁴¹.

Когда развяжусь с книгой, обязательно поеду в Ленинград—последний раз его видел в 50ом году, не считая короткого наезда в 64ом.

Если будет охота и время, напишите несколько слов о фильме.

Жена моя шлет Вам и Вашим близким привет.

Будьте здоровы!

Ваш Л.Пинский

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

[конец октября или начало ноября 1969 г.]

Дорогой Леонид Ефимович!

Пользуюсь каникулами Димы, чтобы пожелать Вам успеха во всех делах и написать—еще раз—о глубокой к Вам симпатии.

Мои дела перешли через какой-то рубеж: фильм как будто начинает видеться. Сам не знаю только, какой?.. Уж очень все оказалось сложно. «Гамлет»—совсем открытое, ясное сочинение по сравнению с «Лиром».

Нечеловечески трудно *выявить наружу*, сделать *неоспоримо существующим* то, что умозрительно, перевоплотить философскую поэзию в динамическое изображение.

По дороге моих трудов уже умер один из моих ближайших товарищей по работе⁴², другой—в больнице⁴³. То, что такие работы стоят жизни, увы, не красивый оборот речи.

Как будто хороши прибалтийские артисты. Никто из них не играл деда Шукаря и волевого полковника милиции. Очень хороши костюмы Вирсаладзе, первые музыкальные номера (песни шута и бедного Тома) Шостаковича.

Но многое еще впереди: остатки в Нарве, где приходится сметать снег во время съемки, и два месяца в Грузии⁴⁴.

Не знаю, имел ли я право замахнуться на этот труд.

С Димой я обо всем подробно говорил. Не знаю—окажут ли ему помощь мои советы.

После праздников опять бросаюсь в самое пекло огромных съемок финала в Нарве.

Всего Вам и всей Вашей милой семье самого доброго.

С уважением и любовью,

Г.Козинцев

Пока зарубили в «Искусстве» мой «Глубокий экран»⁴⁵. Но все это для меня уже в другом, и менее важном мире.

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

[декабрь 1969 г.]

Дорогой Леонид Ефимович!

Сердечное спасибо за поздравления. Я в конце месяца был за городом и позабыл дома Ваш адрес. Этим и вызвано мое опоздание с самыми добрыми пожеланиями всей Вашей семье. Пусть 1970 будет хоть чуточку приличнее к нашему брату!

Ваш

Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

[декабрь 1970 г.]

Дорогой Леонид Ефимович!

Сердечно желаю Вам всего самого доброго в 1971 г. Убежден, что Ваш труд над Шекспиром принесет Вам полное удовлетворение. Мне, конечно, очень жаль, что мой «Лир» Вам так не понравился, но, к счастью, я не считаю, что людям, к которым я хорошо отношусь, обязательно должны нравиться мои работы⁴⁶. Я еще сам не понимаю: что у меня вышло. Пока нужно зализать раны—работа эта далась мне нелегко.

Еще раз, всего самого доброго,

Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

13 I 71

Дорогой Леонид Ефимович!

Я послал Вам из Кисловодска самые добрые новогодние поздравления; но, увы, по неправильному адресу, который был у меня в записной книжке. Хочется, чтобы они все же до Вас дошли.

Еще раз: всего Вам и Вашим близким хорошего в 1971 г.

Ваш

Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

26 V 71 г.

Дорогой Леонид Ефимович!

Пишу Вам вот по какому поводу: я собираюсь выпустить на волю некоего странного гибрида под названием «Пространство трагедии»⁴⁷. Это нечто вроде дневника, который я вел (действительно вел) во время работы над «Лиром», который я потом переписал, дополнил, увел в разные стороны от темы и т.п. Если Вы помните, такой дневник был у меня в шекспировской книге («Камень. Железо. Огонь»)⁴⁸. Только этот с еще большими отступлениями. В дневник вклинивается переписка (вернее, отрывки из нее) с несколькими особенно важными для этой работы собеседниками (Питером Бруком, Шостаковичем, Вирсаладзе) и еще не опубликованные письма Пастернака ко мне. Хотелось бы мне включить и два отрывка из писем к Вам (речь идет, разумеется, только о моих словах). Если по какой-либо причине Вам этого не хотелось бы, или Вы сочтете это неудобным—просьба написать, и немедленно эти отрывки будут изъяты. Почему мне хотелось бы их опубликовать? Видимо, потому что общение с Вами было важным и, вспоминая о подготовке к фильму, хотелось бы о нем упомянуть.

Я часто себя ругаю, что не смог в свое время убедить Вас проконсультировать «Лира», о чем я Вас просил. Времени это отняло бы у Вас совсем немного, а польза для дела была бы большая. Менее всего я думал об обычной «консультации»: нужные материалы мне, как будто бы, известны, а вот поговорить, определить точку зрения, пусть и в споре—было просто необходимо. Горе (только ли мое?) в том, что приходится трудиться в полном одиночестве. Даже поговорить не с кем. А я избалован дружбой с Тыняновым и Эйхенбаумом—как много она мне дала. Теперь, увы, уже никого не осталось.

Как движутся Ваши труды? Я скоро пришлю Вам свой «Глубокий экран». После пяти лет терзания рукописи (да еще во время массовых съемок «Лира») от нее остались рожки да ножки. Скорее какое-то «Дырявое полотно»... Что тут поделаешь?

Сердечный привет и самые добрые пожелания,

Г.Козинцев

* * *

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

7 июня 1971

Москва

Дорогой Григорий Михайлович!

Вчера вернулись мы с Евг[енией] Мих[айловой]⁴⁹ из поездки по Вологодской обл. (Вологда—Кириллово—Ферапонтово и др. места), и я нашел Ваше письмо. Разумеется, располагайте письмами ко мне по своему усмотрению. Вы, правда, сократили—вероятно, по «деловым» соображениям—одно место, лично мне более всего запомнившееся: свое отвращение к «героическому» Лиру, принимая во внимание, до чего эта тональность доведена практикой советского театра (впрочем, это отвращение XX века

в целом, об этом пишет М.Мак, мною цитируемый⁵⁰, но, как мне кажется, что ни говори, без героя нет «трагической боли», т.е. специфики «трагедии», в отличие от «драмы» вообще. И трижды это важно для «К[ороля] Лира», трагедии всех трагедий Нового времени).

Что касается темы властолюбия (как она ни «актуальна»), она мне представляется слишком частной—и в этом смысле «мелкой»—для трагедии Страдающего Человека, Homo Pat[h]eticus'a, (как Гамлет—Homo Sapiens, Ю.Цезарь—Homo Politicus, «доблестный» Макбет—Действующий Человек, Кориолан—Гражданств[енный] Человек, Тимон—Общительный Человек, Корделия—Стыдящийся Человек, Homo Pudens и т.д.). Из интервью «Экспресса» с Ионеско я узнал, что Ионеско пишет «Макбета»⁵¹, дабы разоблачить властолюбца. Вероятно, это оправдано, современно («актуально» как нельзя более), но даже для «Макбета» Ш[експи]ра—слишком «частно» («мелко»), иначе «Макбет» не был бы трагедией. Заключ[ительный] монолог («Завтра, завтра... Жизнь—тень мимолетная»)—в своем *трагизме* далеко выходит за эти рамки, а в этом монологе ведь суть всего действия!

В этом смысле я и считаю «назидательными» концепции «власти» для «Макбета», а тем более «Лира».

Я так и не собрался послать Вам две последние главы моего «Шекспира» («Сюжет и фон», «Жизнь—театр»), так как до последнего дня все «отрабатывал» их, а месяц тому назад рукопись уже пошла в набор, воспользоваться Вашими советами я уже не смог бы—прочитаете уже эти главы в книге, которую обещают выпустить к концу этого года. По сути, получилась не книга, а большой кусок из нее: без начала (без первого отдела «Комедии», напечатанного в «Ш[експи]ровском сб[орнике]» 1967 г.) и без конца (без IV отдела «Трагикомедии», синтетического отдела). Не закончен, по сути, и третий отдел «Трагедии»; из второго подотдела «Трагическое начало» дана только последняя глава о *форме* трагического («Жизнь—театр»), а не о его *сущест[в]е* («рождение личности»), о чем я очень отвлеченно писал в ста[тье] «Трагическое начало у Ш[експи]ра», вошедшей в кн[игу] «Реализм Возрождения»—короче, один «торс», по которому вряд ли можно догадаться о концепции целого.

Но и в таком виде получилось 40 листов. А типография, иже определяет, отказывается печатать книги больше 40 листов: своего рода вариант «диктатуры пролетариата» в сфере творчества. Гослит, правда, обещает мне переиздать «Ш[експи]ра» в двух томах—не раньше видимо 1975 г.—куда войдут все 4 отдела⁵². Но я в этом сильно сомневаюсь, т[а]к к[а]к анализ «Кориолана», если и не вызовет открытого скандала, вероятно, помешает переизданию книги.

Ждем с нетерпением Вашего «Открытого экрана»⁵³, хотя бы в виде «рожек да ножек» и дырявого полотна. Это общая судьба—[слова] *habent sua fata libelli*—в наше время имеют лишь этот смысл: «книг[и], как евреев, обрезают и, как католиков, крестят»⁵⁴.

Мои самые добрые пожелания

И сердечный привет!

Ваш Л.Пинский

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

13 VI 71

Дорогой Леонид Ефимович!

Очень обрадовался Вашему письму. Убежден, что такой глубокой книги, как Ваша, в мировом шекспироведении еще не было. Как будто, в августе я должен поехать на Международный шекспировский конгресс в Канаду⁵⁵, а если поездка состоится, обязательно расскажу там о Вашем труде. Что касается спора (совсем небольшого, впрочем) о значении отдельных мотивов, то для меня они часто лишь какие-то рабочие гипотезы, которые я пробую, раскапывая ходы к трагедии. Теперь я все это разматываю еще раз в книге. Получается какое-то странное сочинение. Как только что-нибудь начнет появляться (кажется, в «Искусстве кино»),—обязательно пришлю Вам как привет.

Работаю много, но радости, увы, вовсе нет. Все не выходит, как хотелось бы.

Сердечный привет и самые добрые пожелания,
Г.Козинцев

* * *

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

Москва

17 июня 1971

Дорогой Григорий Михайлович!

Благодарю Вас за дружеское, обнадеживающее письмо! Посылаю Вам две последние главы моего «Шекспира» и одну главу из отдела «Хроники»—о Фальстафе (полностью опущенную в сокращ[енном] изложении второй половины отдела о «Хр[оника]х», помещенном в свое время в «Вопр[осах] лит[ерату]ры»). Их объединяет «театральность» как чисто формальный (в смысле «внутренней формы») аспект развиваемой в книге концепции ш[експи]ровской драматургии.

Покорнейшая моя просьба следующая.

При чтении—и именно по ходу чтения, «некогерентно», чисто импульсивно—отмечайте, что Вам представляется достаточно конкретным и плодотворным (для читателя, театрального исполнителя), а что «чисто концептуальным», т.е. притянутым, натянутым. Я не должен Вам объяснять, насколько будут ценны для меня указания именно Ваши—самого критичного читателя из мне известных в нашем обществе, а, главное, *художника*, к тому же, как Вы мне сказали, давно разочаровавшегося в «концепциях» о Шекспире. Книга моя как раз концептуальная *par excellence*, в этом, как мне кажется, главное, если не единственное, ее достоинство (ничего не поделаешь, таково мое восприятие искусства и—как никого из художников мировой литературы, причем еще с детства—восприятие *Шекспира*), но именно поэтому Вы, как рецензент, Ваше мнение мне дороже всего.

Рукопись рецензировали Аникст, Елистратова⁵⁶—оба ее высоко оценили но их мнения, в особенности Ал[ександра] Абр[амовича], меня мало

интересуют—и Бахтин, также высоко о ней отозвавшийся, но выдвинувший (в крайне тактичной форме) одно *принципиальное* возражение против «слишком исторического» обоснования [моего] траг[ического] начала у Ш[експи]ра (всцело относящегося лишь к моей старой статье «Траг[ическое] начало»⁵⁷), возражение, окончательно убедившее меня не включать эту статью (в прежнем—слишком схематизирующем—виде) в книгу, из-за чего пришлось пропустить целых четыре главы, т.е. не осветить *содержания* трагического у Ш[експи]ра («рождение личности») и перейти после «сюжета» прямо к *форме* траг[ического] начала («театральной») — в главах «Жизнь—театр».

Как видите, я внимателен к критике—даже при принципиально ином подходе к Шекспиру, искусству: неисправимый гегельянец, я—в XX веке!—все еще верю в *объективность* эстет[ического] суждения—*quand même*.

Повторяю, Ваше мнение (не только общее, но и в отношении частности, даже отдельных слов) для меня *исключительно* важно! Кое-что можно было бы еще сделать и теперь, когда рукопись в наборе, т[а]к к [а]к речь идет о последних главах рукописи,—гранки этих глав придут не раньше осени.

Заранее признательный,
с любовью к Вам
Л.Пинский

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

16 VII 71 г.

Дорогой Леонид Ефимович,

Вы написал[и] такое милое и любезное письмо, что мне очень захотелось оказаться Вам полезным. И я взялся за дело так, как Вы просили,—читал и по ходу чтения делал (н[е] думая над редакцией) заметки на полях. Но Ваша прекрасная работа требует чтения всерьез, а мне, к сожалению, пришлось заканчивать собственные работы, а теперь нужно ехать на фестиваль⁵⁸. Я сделал все возможное, чтобы меня освободили от этого неинтересного и малоприятного занятия, но ничего не вышло⁵⁹. Вот и не знаю: отсылать ли Вам обратно рукопись или можно ее задержать? Если Вам она нужна, то дайте знать, и сразу же отошлю. Я прочитал уже больше половины.

Вы неверно поняли, когда я Вам писал о несогласии с концепциями. Ничего «притянутого за волось» я никогда у Вас не находил. Все, что Вы выстраиваете—органично; Вы находите концепцию (скрытую ее возможность) в материале и выявляете ее. Пишете Вы и как ученый, и как литератор, мыслитель. Я—режиссер, с особой предысторией, и мне *необходимо* спорить с любой концепцией (в том числе и с той, что возникает у меня самого). Теперь меня интересует эта возможность спора со стройностью, слишком большой стройностью в понимании Шекспира. Я много занимаюсь (для новой работы) Крэггом, меня потрясает совершенная бесполокочина, разноголосица, даже вульгарная перебранка буквально всех участ-

ников «Гамлета» 1911 года. А сколько дали обрывки мыслей Крэга, наброски, гениальные прикосновения к самой сути. А уловить это в «концепцию»—и как все просто, и как неинтересно. То же относится ко всему, что делал Мейерхольд. Я помню, Шкловский в свое время писал, что в шаблонном провинциальном «Ревизоре» было больше гоголевского, чем в мейерхольдовских перепланировках текста, переакцентировке фигур и т.д. и т.д.⁶⁰ Верно. А мейерхольдовский «Ревизор» и сегодня живет, заставляет думать тех, кто видел его много лет назад.

Все это сложно, и я как раз тем и занят, чтобы хоть что-то уловить словами, определениями. Как только будет что-нибудь готово, обязательно познакомлю Вас с «Пространством трагедии».

Читали ли Вы книгу Найтса⁶¹? Там много схожего с Вашими мыслями о «Лире»...

Моего «Дырявого полотна» все еще нет.

Всего Вам самого доброго, и—большой путь Вашей книге.

Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

18/VIII 71 г.

Дорогой Леонид Ефимович,

Мне очень хотелось отнестись к Вашей просьбе как можно серьезнее, т.е. читать, задумываясь, пробуя сразу же уловить свое отношение... и т.п. Поначалу, как будто, это у меня получалось. Но дальше, увы, пошла пустая трата времени на фестивале, потом—усталость и разные огорчения. А потом (или, вернее, одновременно) нужно было готовить доклад для Шекспировского конгресса в Канаде, куда я вылетаю 20 августа. Доклад мне дался с трудом. От прошлых работ я не только отошел, но и думать о них мне уже не хочется. А «новое», что теперь в голове, для них не годится: конгресс сугубо научный (кафедры университетов Европы, Японии и Америки), кроме того, языком я владею достаточно для импровизированных выступлений (менее всего академичных) или полемики, а тут нужно читать, что я никогда не делаю и по-русски. В общем, много огорчений, трудов, а дела вовсе мало.

Я не перечитывал своих заметок на полях Вашей рукописи. Иначе стал бы править, и никогда бы не отослал. Так что, если где-нибудь (в части критической) резкость,—извините.

Еще раз—труд Ваш отличный, беспрецедентный.

Из Канады вернусь 4 сентября и буду рад получить от Вас «реакции» на мои заметки.

Сердечный привет и самые добрые пожелания,

Г.Козинцев

* * *

Москва
15.X.71

Дорогой Григорий Михайлович!

Я собирался ответить на Ваше письмо и две бандероли (с главами из «Шекспира»—и с «Глубоким экраном»⁶²) в конце прошлого м[еся]ца, дабы письмо застало Вас по приезде из Канады. Но в последних числах сентября прибыла верстка «Шекспира»—целых сорок листов—и я как проклятый сидел над ними две недели (ужасно набрано!), только на днях сдал работу, очень устал. Перечитывая книгу, я убедился, что получился какой-то торс с выбоинами—без начала (без отдела комедий, ранее всех написанного)⁶³, без конца (без позднего Ш[експи]ра, еще не написанного), без главного в отделе трагедий (без глав о «трагическом начале» и еще кой-каких)—типография не принимает рукописей свыше 40 [листов], ей «невыгодно» (а решает она). А так как мое «безумие—систематическое»⁶⁴, то я не уверен, что замысел дойдет по этому «фрагменту», хотя и весьма объемистому. Издательство, правда, обещает при повторных изданиях (года через 4–5) двухтомник. Так что Ш[експи]ра, иже kein Ende⁶⁵, хватит на все оставшиеся мои годы.

Кое-какие Ваши замечания я учел, насколько набор разрешает. Но, разумеется, будь текст даже в рукописной форме, большинство Ваших возражений не принял бы—очень уж разное *видим* мы Шекспира. Дело здесь не сводится к различию между художником и теоретиком. Я читал эти недели—каждый день по несколько страниц—Ваш «Глубокий экран» (за который и моя жена, и я Вам сердечно благодарны), читал местами с волнением, это в своем роде не только очерк кино за сов[етский] период, но и очерк по истории всей культуры сов[етского] периода, ее *пути*. И мне кажется, что в 20^е годах Вы бы чаще соглашались с моим «Шекспиром», чем сейчас. Все, что вызывает в принципе Ваши возражения—мера условного экспрессивного, повышенного «театрального» («ролевого») —ближе к Козинцеву двадцатых годов, чем к нынешнему.

Конечно, удивляться можно не тому, что разное видится, а тому, что мы все же понимаем друг друга.

Как прошло Ваше выступление в Канаде? Что было интересного на симпозиуме? Как подвигается Ваша «странная» книга о работе над «Ли-ром»⁶⁶?

В «Глубоком экране» бросается в глаза отсутствие целого периода—между плюсквамперфектом и презенсом. Вероятно, это была самая «перфектная» (в обоих значениях) часть «искалеченной рукописи» и именно поэтому не прошла⁶⁷...

Будьте здоровы и бодры духом. Простите, что так долго не отвечал.
Ваш Л.Пинский

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

26 I 72

Дорогой Леонид Ефимович!

Я, к сожалению, не смог Вас вовремя поздравить с Новым Годом и даже поблагодарить за Вашу милую открытку. Я без выезда живу в лесу в Комарово, а адреса оставил в Ленинграде, и только теперь мне их привезли.

От сердца желаю Вам и всем Вашим близким доброго 1972 года. И, конечно, большого успеха Вашей книге.

С самыми добрыми чувствами,

Г.Козинцев

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

8 II 72

Дорогой Леонид Ефимович!

Сердечное спасибо за книгу и добрую надпись⁶⁸.

Я уверен, что выход Вашего труда огромное событие, что книгу переведут, и что будет у ней долгая, большая и славная история. Это—настоящая наука, и каждый, кто будет думать о Шекспире, уже не сможет миновать Ваших мыслей. У меня теперь (после конгресса в Канаде) много друзей в шекспироведческой науке, и я им всем напишу о том, что эта книга уже вышла (о главах, которые я читал в рукописи, я им рассказывал).

Вольфганг Клемен⁶⁹, Спенсер⁷⁰, М[юриел] Бредбрук⁷¹, Уолтер Ходжис⁷² и многие другие—оказались живыми, умными, заинтересованными в чужой работе людьми.

От души Вас поздравляю и понимаю, какая это радость: держать в руках *живую* (еще теплую!) напечатанную книгу. Ура!..

Всего самого доброго,

Ваш Г.Козинцев

* * *

Л.Е.Пинский—Г.М.Козинцеву

28.III.1972

Дорогой Григорий Михайлович!

Благодарю Вас за, мягко выражаясь, повышенную оценку моего «Шекспира»,—сам я о нем иного мнения, уж хоть бы п[отому] ч[то] книга незавершенная. Но в связи с тем, что Вы собирались послать ее кой-кому за рубежом, а я вчера случайно достал 8 экземпляров в одном магазине,—посылаю Вам одновременно с этой открыткой еще три экземпляра (зная, что ее нелегко достать).

Если будет настроение, напишите мне, как Вы находите анализ «Макбета»—о нем я, после «Лира», больше всего думал, пытаюсь постигнуть существо трагического у Ш[експира]. О «Макбете», самой «фатальной» трагедии Шекспира, я еще собираюсь многое сказать в связи с «трагическим

началом», четырьмя главами, не вошедшими в книгу по внешним причинам (больше 40 п[ечатных] л[истов] книгу типографии отказываются принять: невыгодно переплетать!)

Еще раз сердечно благодарю—за все, что Вы писали мне о моей работе в последних письмах. Кроме М.М.Бахтина, нет человека, мнением которого я так бы дорожил. Будьте здоровы, дорогой!

Ваш Л.П.

* * *

Г.М.Козинцев—Л.Е.Пинскому

4/IV [1972]

Дорогой Леонид Ефимович!

Мне, конечно, приятно быть пропагандистом Вашей книги. Я ее уже послал проф. Рудольфу Хабенихту⁷³ (он был директором 1-го Мирового Шекспировского конгресса); его специальность—шекспироведческая библиография. Я думаю, это нужное место. Вторую я послал в Японию: проф. Курахашу⁷⁴,—он директор театр[ального] музея и ведет шекспировский курс в университете—и знает русский. Вообще, Япония становится одним из больших центров культуры.

Я очень много работаю над «Пространством трагедии». Как только закончу, обязательно покажу Вам. Сам еще не понимаю, что выходит.

Сердечный привет,

Г.Козинцев

* * *

1. *Пинский Л.Е.* Почему Бог спит. СПб: Нестор-история, 2019. Опубликованные письма хранятся в ЦГАЛИ СПб вместе с письмами Пинского (Ф. 622. Оп. 1. Д. 612 и 903).

2. *Пинский Л.Е.* Указ. соч. С. 54–55.

3. Там же. С. 76.

4. *Козинцев А.Г.* Леонид Пинский и философия комического // *Пинский Л.Е.* Почему Бог спит. С. 85–96.

5. *Козинцев А.Г.* О замыслах последних шекспировских фильмов Григория Козинцева // Киноведческие записки. 1995. № 27. С. 206–208.

6. Аллюзия к «Медному всаднику»:

...Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

7. Слова Глостера («Король Лир», IV, 1):

As flies to wanton boys, are we to th' gods;
They kill us for their sport.

(«Мы для богов—что мухи для ребят; им любо нас давить»).

8. Среди записей, относящихся к замыслу постановки «Меры за меру» (Козинцев не успел его осуществить) есть такая: «Письмо от Пинского. Мысль, которая заставляет меня думать: хватит трагического, довольно насмешки неба над землей, не показать ли насмешку

земли над небом? Это об “As You Like It”). Запись датирована 27 декабря 1972 г. (Козинцев Г.М. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 5. М.: Искусство, 1986. С. 145).

9. Пинский Л.Е. Почему Бог спит. С. 66. Намечена, таким образом, смена ориентиров: от марксизма—к немецкому романтизму (о «трансцендентальной буффонаде» писал Ф.Шлегель). Подобная цель едва ли могла привлечь Козинцева, но ограниченность исторического подхода к Шекспиру он чувствовал в этот период не меньше Пинского.

10. Там же. С. 58–81.

11. Речь идет о книге Пинского «Шекспир. Основные начала драматургии» (М.: Худож. лит-ра, 1971).

12. Неточная цитата из драмы Гёте «Торквато Тассо» (I, 2). В оригинале: Es will der Feind—es darf der Freund nicht schonen («Не хочет враг щадить, а друг—не должен»).

13. Паскаль Б. Мысли // Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. Характеристики. М.: Худож. лит-ра, 1974. С. 116.

14. Kozintsev G. Shakespeare: Time and Conscience. N.Y.: Hill and Wang, 1966; L.: Dennis Dobson, 1967.

15. Речь идет об автобиографической книге Козинцева «Глубокий экран» (М.: Искусство, 1971). Запланированная к выходу на 1967 г., она не только задержалась на 4 года, но и подверглась многократным цензурным правкам. Особенно безжалостной оказалась последняя, в результате которой была целиком вырезана глава, посвященная сталинскому периоду. Она опубликована посмертно под эвфемистическим названием «Подготовительные материалы ко второму изданию “Глубокого экрана”» (Козинцев Г.М. Собр. соч. Т. 1. Л.: Искусство, 1982. С. 342–353; Козинцев Г.М. Глубокий экран. СПб: Планета музыки, 2018. С. 410–423).

16. В письме от 17 июня 1971 г. Пинский называет себя «неисправимым гегельянцем».

17. Слова из письма Пикассо в журнал «Огонек» (№ 20 за 1926 г.).

18. Речь идет о спектакле Козинцева «Король Лир» в БДТ (1941).

19. **Кент.** Нет, сэр. Но в лице у вас есть что-то такое, что покоряет.

Лир. Что же это такое?

Кент. Властность.

(пер. Б.Пастернака)

20. Имеется в виду рукопись главы о «Короле Лире» из готовившейся Пинским книги о Шекспире (см. его письмо Козинцеву от 17 июля 1968 г.).

21. Юстиниановы пандекты (дигесты)—извлечения из трудов римских юристов, сведенные воедино и систематизированные по указу императора Юстиниана в VI в.н.э. Схолии—комментарии к этим документам.

22. По словам Пинского, «призвание Кента—“служить”, и служить тому, кто так же призван природой и традицией повелевать, как Кент служить: тому, в чьем лице светится “власть”, “авторитет” (authority, I, 4)» (Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. С. 333).

23. Там же. С. 368.

24. Мазур Д.С. (1941–2007)—будущий зять Пинского, режиссер и композитор.

25. «Годы учения» (аллюзия к роману Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера»).

26. Шекспировский «Кориолан» в обработке Б.Брехта и постановке М.Векверта и Й.Теншерта был показан во время гастролей театра Берлинер Ансамбль в Москве и Ленинграде в сентябре 1968 г. Судя по письму, Козинцев читал отзывы об этом спектакле еще до того, как увидел его.

27. «С.М.Михоэлс рассказывает, что, когда он задумал поставить “Короля Лира”, кое-кто высказывал сомнения, сможет ли трагедия Лира взволновать сегодня зрительный зал. Подумаешь, экое страдание: старика не уважили!..» (Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. С. 277).

28. Козинцев словно предвидит, что именно такие мысли Пинский выскажет в письме к нему от 22 декабря 1972 г. (см.: Пинский Л.Е. Почему Бог спит. С. 66, 68–69). Однако, чрез-

вычайно дорожа общением с Пинским (см. его письмо от 26 мая 1971 г.), он старается быть максимально тактичным.

29. Козинцев дружил и переписывался с Бруком, предисловие которого к посмертно опубликованному (1976) английскому переводу «Пространства трагедии» написано в форме прощального письма (см.: *Козинцев Г.М.* Собр. соч. Т. 5. С. 584).

30. Речь идет о спектакле «Король Лир», поставленном Тревором Нанном в Королевском Шекспировском театре (Стратфорд-на-Эйвоне). Премьера состоялась в апреле 1968 г.

31. Брук поставил свою версию «Бурни» в театре Раундхаус (в здании бывшего паровозного депо в Лондоне) летом 1968 г. В реализации замысла участвовал Жан-Луи Барро, роль Ариэля исполнил на японском языке Ёси Оида; впрочем, слова были в значительной мере заменены пантомимой.

32. В этом пункте взгляды Козинцева и Пинского совпадали (см. сноску 27).

33. Речь идет о самиздатском трактате Пинского, подаренном Козинцеву. См.: *Пинский Л.Е.* Почему Бог спит. СПб: Нестор-история, 2019.

34. Козинцев руководил режиссерской мастерской при «Ленфильме» в 1965–1971 гг.

35. Ю.Ярвета, исполнившего роль Лира, великолепно озвучил З.Е.Гердт. Большинство зрителей, однако, об этом не узнало, так как Гердт из скромности отказался от того, чтобы его фамилия значилась в титрах.

36. *Brook P.* The Empty Space. N.Y.: Atheneum, 1968 (2nd ed.: N.Y.: Touchstone, 1996). Козинцев цитирует книгу по памяти. В оригинале первый отрывок таков: «Я видел шекспировские постановки в России, столь традиционные в своем подходе, что целых два года обсуждений и работы с архивами дали результат не лучше того, который наспех собранные трупы получают за три недели» (*Ibid.* P. 19). Козинцев не сомневался, что речь идет о спектакле Н.П.Охлопкова «Гамлет», хотя прямого упоминания о нем в книге нет. Отрывок о возобновленных спектаклях Вахтангова и Станиславского изложен довольно точно (*Ibid.* P. 16).

37. Речь идет о 4-м номере журнала «Искусство кино» за 1969 г., где напечатаны части из книги Козинцева «Глубокий экран».

38. См.: *Иванов В.* Легион и соборность // Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 253–261.

39. Точнее «коммунотарность»—общинность (от фр. *communautaire* —«общинный»). Термин придуман Бердяевым. См.: *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 103–112.

40. В кульминации пьесы (III, 3) плебс, подстрекаемый трибунами, изгоняет Кориолана. Злободневность «Кориолана» виделась Пинскому в том, что герою здесь противопостоит не злодей-одиночка, а целая политическая группа—трибуны. На этот класс безликих и бесстыдных функционеров, враждебных свободной личности и манипулирующих сознанием народа, Пинский проецировал всю свою ненависть к партийной номенклатуре. Что касается презрения Кориолана к черни, то оно могло вызывать у Пинского те же ассоциации, которые у многих читателей вызывает «Собачье сердце» Булгакова. При этом Пинский, как и Кориолан у Шекспира, не отождествлял чернь с народом. Чернь («масса») —это народ, оболваненный функционерами. Видимо, Пинский усматривал в «Кориолане» аллюзию к самоотверженности правозащитников и к их одиночеству (как говорил А.Синяевский, «свобода—это безответственность перед авторитарным коллективом»). Все это и было причиной опасений по поводу возможного цензурного запрета главы.

41. Пинский переоценил бдительность цензоров. Глава о «Кориолане» была пропущена и вошла в его книгу о Шекспире, вышедшую в том же 1971 г., что и искромсанная цензурой книга моего отца, где вещи были—как ему казалось, в меру возможности—названы своими именами. Книга Пинского была сокращена не по цензурным, а по техническим причинам (см. сноску 63).

42. Речь идет о М.С.Шостаке—директоре фильмов «Дон Кихот», «Гамлет» и «Король Лир».

43. Речь идет о И.С.Шапиро—втором режиссере фильмов «Пирогов», «Гамлет» и «Король Лир».

44. Планы относительно Грузии не были реализованы.

45. См. сноску 15.

46. Письменный отзыв Пинского о фильме неизвестен (видимо, разговор состоялся по телефону). Еще одним огорчением для Козинцева стало то, что фильм не понравился и другому человеку, столь же ему дорогому—А.Тарковскому. В ответ на его письмо Козинцев написал в точности то же, что и Пинскому: «Дорогой Андрей! Спасибо за откровенное письмо. Я, к счастью, никогда не считал, что людям, к которым я хорошо отношусь, обязательно должны нравиться мои фильмы. <...> Пишите и снимите прекрасный фильм» (Переписка Г.М.Козинцева. М.: Аргист. Режиссер. Театр, 1998. С. 447).

47. Книга Козинцева «Пространство трагедии. Дневник режиссера» опубликована издательством «Искусство» посмертно (1973).

48. Название главы в книге «Наш современник Вильям Шекспир» (изд-во «Искусство», 1966; 1-е изд., 1962).

49. *Лысенко Е.М.* (1919–2005)—жена Пинского, переводчик художественной литературы.

50. *Мак М. King Lear in Our Time.* L.: Methuen, 1966. P. 84 (см.: *Пинский Л.Е.* Шекспир. Основные начала драматургии. С. 276). Слегка укоряя моего отца за «отвращение к “героическому” Лиру» (эта мысль развита в письме от 17 марта 1973 г., см.: *Пинский Л.Е.* Почему Бог спит. С. 76–77), Пинский затрагивает трудную тему. М.Мак признает, что обыденность в изображении смерти главных героев действительно отличает «Короля Лира» от других шекспировских трагедий. К тому же отказ от излишнего пафоса и нарочитой декламации легко принять за приземленность. И героизация, и борьба с нею имеют долгую историю, причем, как показывает публикуемая переписка, отношение к обеим тенденциям может быть различным даже у людей, в остальном очень близких.

51. Премьера пьесы Э.Ионеско «Макбетт» (пародия на шекспировского «Макбета») состоялась на сцене театра Альянс Франсез в Париже в 1972 г. По словам Ионеско, «Шекспир был отцом театра абсурда. Определение ему дал Макбет, сказавший, что жизнь—история, пересказанная идиотом» (*Hess J.L. Ionesco Talks of His Latest, ‘Macbett’//The New York Times.* 1972. January 18).

52. Обещание выполнено не было.

53. Речь идет о книге Козинцева «Глубокий экран».

54. Неточная цитата из эпиграммы Д.Минаева «В кабинете цензора»:

Здесь над статьями совершают
Вдвойне убийственный обряд:
Как православных—их крестят
И как евреев—обрезают.

55. Козинцев принял участие в Первом Всемирном Шекспировском конгрессе в Ванкувере. Во время конгресса, 20 августа 1971 г., состоялась премьера фильма «Король Лир» на Западе, завершившаяся долгой овацией.

56. *Аникст А.А.* и *Елистратова А.А.*—литературоведы.

57. *Пинский Л.Е.* Трагическое у Шекспира // Вопросы литературы. 1958. №2. С. 139–171. См. его же: Реализм эпохи Возрождения. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. С. 250–296.

58. Козинцев был председателем жюри VII Международного кинофестиваля в Москве в июле—августе 1971 г.

59. Еще сильнее о своем решении назначить Козинцева председателем жюри пожалело партийное руководство, предписавшее ему обеспечить золотой приз фильму К.Вольфа (ГДР) «Гойя» с Д.Банионисом в главной роли. Козинцев наотрез отказался, сочтя фильм халтурой. Золотые призы получили «Белая птица с черной отметиной» Ю.Ильенко, «Сегодня жить, умереть завтра» К.Синдо и «Признание комиссара полиции прокурору республики» Д.Дамиани.

60. Разгромную рецензию Шкловского на спектакль Мейерхольда Козинцев пересказывает по памяти, по прошествии 45 лет. На самом деле там сказано: «Получили не “Ревизор”, а “Суматоха в уездном городе”. Спектакль провинциален». (*Шкловский В.Б.* Пятнадцать порций городничихи // Красная газета. № 307. Вечерний выпуск. 1926. 22 декабря).

61. Анализ «Короля Лира» содержится в нескольких книгах Л.Ч.Найтса. Скорее всего, подразумевается книга: *Knights L.C. Some Shakespearean Themes and An Approach to Hamlet*. Stanford: Stanford University Press, 1960. P. 74–109.

62. Части книг Козинцева «Глубокий экран» и «Пространство трагедии» печатались в журнале «Искусство кино» (№ 1 и 7–10 за 1971 г.).

63. Разделы «Комедии» и «Трагикомедии» не вошли в книгу из-за превышения объема—типография отказалась их включить из соображений удобства переплетения книги. См.: *Лысенко Е.М. Биографический очерк // Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии*. М.–СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 614. Они были включены в посмертно изданную книгу Пинского «Магистральный сюжет» (М.: Советский писатель, 1989. С. 49–125).

64. Аллюзия к словам Полония: «Если это и безумие, то в своем роде последовательное» («Гамлет», II, 2).

65. Которому нет конца (*церк.-слав., нем.*).

66. Речь идет о книге «Пространство трагедии».

67. См. сноску 15.

68. Подаренный Козинцеву экземпляр книги Пинского о Шекспире (см. выше) в его библиотеке не сохранился.

69. *Клемен Вольфганг* (1909–1990)—немецкий шекспировед.

70. *Спенсер Кристофер* (1930–2019)—американский шекспировед.

71. *Бредбрук Мюриел* (1909–1993)—британский шекспировед.

72. *Ходжес Уолтер* (1909–2004)—британский художник, писатель, шекспировед. По выполненной им реконструкции в г. Детройт (США) должен был быть воссоздан театр «Глобус» эпохи Шекспира. Проект не осуществлен.

73. *Хебеникт Рудольф* (1925–2007)—американский шекспировед, председатель Первого Всемирного Шекспировского конгресса в Ванкувере.

74. *Курахаши Кен*—японский театровед и режиссер, был директором Театрального музея университета Васэда.

Публикация и комментарии Александра Козинцева